Андрей ШАЦКОВ

АЭРОДРОМНАЯ ЭЛЕГИЯ

Прощай!
Показалось, я жить не могу!
Мы вечность над лентой посадочной кружим!
Мне б лучше стоять по колени в снегу
Иль шлепать в раскисших ботинках по лужам!

И сбылись мечты. Завершился полет,
А с ним прекратилась убойная тряска...
И выплюнул нас на бетон самолет,
Чтоб дольше продолжилась аэросказка.

В Минводах туман над посадом стоит.
Стрела стратоплана не чиркнет по своду.
Звезда со звездою о чем говорит
В такую погоду,
в такую погоду?

Нам час не хватило до вечной любви!
Шасси обнимает шальная поземка...
Где нежные женские плечи твои,
Моя незнакомка,
моя незнакомка?

В брюхатой машине на Млечном Пути
Натянуты нервы и рушатся связи...
Мне б лучше пешком по России идти
На Черные Грязи,
на Черные Грязи!

СНЕГОПАД

Миг юности былой невозвратим.
В ней каждый новый день —
подарок царский...
Как трудно жить среди сиротских зим,
Стоя́щих ныне
сиротой казанской.

Андрей Владиславович Шацков родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Как душен застоявшийся уклад
Седых годов, бегущих с горки — в Лету.
И даже под привычный снегопад —
Не попадешь.
Зимою снега нету!

А хочется с крыльца — в родную выть,
Покрытую ледовой чечевицей,
Сбежать и слушать, как умеет выть
Матерая пурга лесной волчицей!

Но сумрачный далекий небосвод
Разверзла шрамом звездная прореха.
И значит, снег сегодня не пойдет.
И значит, вновь земле лежать без снега

В опрелых листьях, брошенных судьбой,
Коростою
над волглыми полями,
Где мы бродили в юности с тобой
Морозными рождественскими днями...

И мне осталось — верить в снегопад,
Который начался́ подобно чуду,
Чтоб тихо падать сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

КРЕЩЕНСКИЙ НОКТЮРН У ИСТОКОВ РУЗЫ

Истоки реки Рузы лежат на
Московской возвышенности... Истоки
реки Иордан лежат у горы Хермон,..
ранее принадлежащей Сирии...
Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед вами, мои стихи
Нерожденные...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою,
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи.
Щукой спрячутся в глубину.

А когда потеплеет — в па́водье,
Как Ковчег, подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замерзнут сирые,
Как в заволжских степях орда.
Ведь Россия теплом — не Сирия,
Да и Руза — не Иордан,

Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.

Хоть над Сирией — небо синее,
Над Россией — еще синей.
«Иордани» в морозном инее,
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби
Как Предтечи грядущих строк!

ОВСТУГ

Дмитрию Мизгулину

Когда вокруг сгустится волглый воздух
И одолеют смуты и дела,
Давай с тобой уедем в древний Овстуг —
Тот самый, за которым даль светла.

Здесь церковь шпилем разгоняет тучи,
И псы хвостом виляют у ворот,
И Федор Иоанныч — Федор Тютчев
Гостей встречает вполуоборот.

Задумчиво на памятник мессии
Глядим, не опуская строгих глаз.
Нам не прожить без тютчевской России,
И ей, наверно, не прожить без нас.

Здесь далеко, за черными лесами,
Где режет облак быстрокрылый стриж,
Взбегал на холм, красуясь чудесами,
Ушедший дымом в небо город Вщиж.

История стояла у порога,
Безмолвствуя,
и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы,
из которых в край речной

Стремилось сердце, возвращаясь снова
В густые кущи ивы и берез...
И нес поэт из дальних далей слово
И вплоть до наших дней его донес!

За барским домом здравницу Отчизне
Поет петух, встречая новый день...
Здесь Тютчев жил, и память этой жизни
Превозмогла веков минувших тлен!

* * *

Май месяц пришел на старинный погост,
И ветви сирени упрямо
Ползут к небесам из земельных корост
Строкой телеграфной от мамы.

И первая в высях бормочет гроза,
Отнюдь не про «вечныя лета»...
Я помню, как медью давили глаза,
Минувшего века монеты.

Чтоб я не увидел в любимых очах
Последнего мамы привета,
Чтоб сбился с пути, в одиночестве чах,
Не спал по ночам до рассвета!

Тяжелая медь, ты горчила тогда,
Когда целованьем от сына
На вкус познавалась потери беда,
Сиротского горя трясина.

Май месяц отрезал дороги назад.
Грядет Вознесенье в июне.
Я помню наполненный горечью взгляд,
Когда уходил накануне

От маминых тихо прикрытых дверей,
От белых гардин омофора...
Не надо одних оставлять матерей
В надежде увидеться скоро!

СУМЕРКИ

Под вечер навалится... Впору не жить.
Ухабы беды превращаются в горы.
И мытарь — летучею мышью кружит.
И входит печаль за замки́ и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.
И шелест химер прозвучал за оградой.
И звезды не бросят на землю луча
Утешной отрадой,
последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,
А сердце стучится все глуше, все реже...
Россия — одна! И не будет Рассей
Средь пальм и кипящих волной побережий.

С родного погоста за пару минут
Стакан огранив полукружием хлеба,
Коль скоро родные тебя позовут,
Ты должен подняться в холодное небо!

И чтобы полета мгновенья — легки
И встречи с грядущим не горькими были,
За все заплати и не делай долги,
Оставь пятаки бесполезные в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и проселки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перепелки, зовут перепелки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом бессонным из призрачной дали
Ты к ним возвратишься пунктиром строки
Певца непонятной, закатной печали.

* * *

Он летнею ночью уснул навсегда,
Бессонница где-то отстала...
Я видел, как в небе погасла звезда,
Упав на его одеяло.

И минуло лето, и клин в облака
Навечно с землею в разлуке
Поднялся,
я видел крыла вожака,
Я знал эти сильные руки.

Когда в колеях заблестел гололед
И вьюги ложились на плечи,
Мне ведомо было, что он не придет
Ко мне обогреться под вечер.

А ранней весною накрыло леса
Прибоем цветов-первоцветов.
Я в них отыскал голубые глаза.
Прощенья просил и ответа.

Но мне не ответило небо — за что
Случилась отцовская мука,
И смертным бывает любви колдовство,
И вечной бывает разлука.

21 ДЕКАБРЯ
(Полугодины)

Да лягут снега на обитель твою,
На новую,
с бабушкой рядом!
С седой головою в молчанье стою
Под жестким седым снегопадом.

И купол церквушки, и абрис креста —
Покрыла ворон плащаница.
За дальней оградой стучат поезда,
Погост огибает столица.

Ваганьково,
сне́ги,
да камень-гранит,
Да тень прапрадедова стяга.
Пусть небо твой путь одинокий хранит
В туманности млечной, бродяга.

Я помню в ладони ручонку твою
И кеды — спешащие рядом...
Немного осталось... Но я достою
Под нашим с тобой снегопадом!